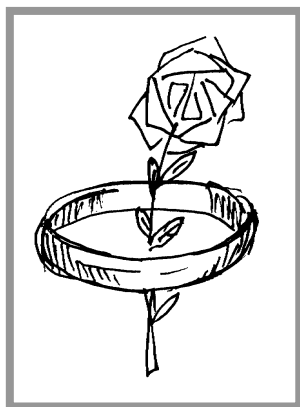

Позднее свидание

136

*Мигур
Алдошин*

НОВЕЛЛА

...Твоя слабая, и (как мне тогда казалось), немного глупая улыбка как бы говорила нам: «Ну ладно, делайте сами, как знаете, а я не могу переспорить вас, вам доказать...»

Мы не успели собрать деньги на операцию, как оказалась уже 4-я стадия, и делать было уже нечего – только тратить собранное на морфина гидрохлорид, чтобы тебе не было так больно...

Она (жена моя) боялась оставаться с тобой в комнате, когда ты лежала, убранный, в гробу – а ты совсем не была страшной. Даже казалось, что кто-то, заведующий процедурами распада, разборки, уборки оболочки назад в безличные молекулы – щадит твоё, уже бывшее твоё, тело.

...Эта слепая, всегда виноватая улыбка! Боже, она ведь не была старой! Это мы её сделали старой – я, со своими всё разрастающимися, как чайный гриб, претензиями (пережарено, недостирано), ты, жена моя, с обидами, что не слушает тебя...

Я не могу, не хочу произнести это слово («люблю») по отношению к ней.

Я сказал его тебе, когда мы прошли под аркой. И ещё много раз говорил. Что происходило во мне к ней? Вдруг я понял, что мне нравится смотреть, как она делает что-то. Вот она предлохтем смахнула пену со лба (детские вещи не доверяла машине), светится синяя жилка. Вот гладит, напевая что-то ещё советское, плавное...

Ты не была готова к смерти вообще. Ты ещё никого не хоронила. Тебе было страшно, и ты ушла в другую комнату нашей двухкомнатной хрущёвки. Настояла, чтобы Анютку на эти дни взяла твоя тётя. Ждала меня в комнате, а я всё не шёл...

...Я никогда не испытывал ничего плотского к тебе, меня не тянуло подсматривать за тобой в ванной; даже, когда, случайно, проходя неизбежно через твою комнату, я видел тебя вдруг полуодетой, я отворачивался сразу, ибо ты была – Мать Жены. Откуда же взялось всё? И что взялось?

...Говорили о необязательном – досках для антресоли, шарлотке из чёртовой булки, нашатыре для замши. Ты

не была для меня ни умной, ни сведушей. Так откуда взялась тоска?

...Разные приходили, многих я никогда раньше не видел. Завешивал зеркала дядька в мохнатой жилетке, лысый и бородатый, с нехватящим рядом верхних зубов. Он всё это сделал быстро и прочно – а то до него у соседки тёти Таси простынки всё падали, падали...

Дочь твоя боится, а я сижу с тобой. Спать не могу. Но ломота в теле, всё-таки приваливаюсь к стенке, и не замечаю, как заснул... просыпаюсь от странного чувства – будто в комнате есть кто-то живой! Смотрю на тебя. Ты встаёшь.

...Ты встаёшь! Ты опираешься сначала локтями, потом уже пальцами берёшься за поребрики гроба, и смотришь на меня такой своей знакомой виноватой улыбкой, что я не успеваю ни испугаться, ни подумать – перекидываешь ноги, а они связаны – я подбегаю к тебе, и зубами распускаю прочный узел, потом хочу на руках – вспоминаю, что не завязали, платок с подбородка спадывает легко, сам.

Дочь твоя (моя жена) в соседней комнате храпит (не помню раньше такого!), этим усугубляется тишина в на-

шей. Вот ты села ко мне на диван, ты берёшь мои руки в свои – твои ладони не холодны гробовым холодом, они тёплые!

Мы просто сидим рядом, держа руки в руках, ты виновато и немножко глупо (как мне кажется), улыбаешься, и, хотя я ничего не понимаю – чувствую, что ничего уже и не нужно понимать.

Громкий звонок в дверь. Три часа ночи. Кто бы это мог быть? Обычно предупреждают по телефону. Бросаю взгляд на мобильник, вижу пропущенные вызовы. Странно – я не заметил.

Открываю дверь. Твоя сестра, рядом твоя внучка, моя дочь, Аня. Она, захлёбываясь слезами, бросается мне на шею: «Папка, с тобой всё хорошо?» Кидается в комнату: «Мама, мама, ты не болеешь?»

...Твоя мать лежит, как лежала. Тени и желтизна неумолимо охватывают лицо. Ругаешь сестру, за то, что привела девочку – ведь так старалась избавить её от «этого зрелища»! Аня: «Я знаю, что бабушка умерла... Так жалко её!»

Ты лежишь, как лежала – связанная. Под косынкой, что схватывает руки, никто не увидит моё кольцо.